

**«Полководец» А. С. Пушкина: поэтический образ
и исторические реалии**

В 1835 г. Пушкин написал стихотворение «Полководец», опубликованное в конце 1836 г. в третьем номере журнала «Современник». Стихотворение посвящалось фельдмаршалу князю М. Б. Барклаю де Толли. Обращаясь к портрету военачальника, претерпевшего, по словам Д.В.Давыдова, «ужасные гонения» в 1812г., поэт взволнованно восклицал:

О вождь несчастливый! Суров был жребий твой:
Ты в жертву все принес земле, тебе чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
В молчаньи шел один ты с мыслию великой.
Но в имени твоём звук чуждый невзлюбя,
Своими кликами преследуя тебя,
Народ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался над твоей священной сединою!

И долго, укреплен могущим убежденьем
Ты был неколебим пред общим заблужденьем,
И на полупути был должен наконец
Безмолвно уступить и лавровый венец,
И власть, и замысел, продуманный глубоко,
И в полковых рядах сокрыться одиноко

По мнению исследователя Г. Коки «справедливая оценка действий Барклая, высказанная Пушкиным, уже сложилась в это время в исторической литературе и в этой части ничем не противоречила официальной историографии Отечественной войны».

Общество уже не порицало «российского Фабия» за отступательные действия русских армий в начале военных действий. Обратившись к этому сюжету, Пушкин не ожидал той бурной реакции, с которой читатели встретили его произведение, различив в нем прежде всего антикутузовскую направленность. Причем это в равной степени относилось как к тем, кто негодовал по этому поводу, так и к тем, кто восторгался новым творением поэта. Общество не восприняло Барклая как обобщенный романтический образ, в котором нашла отражение и собственная судьба автора. Оно увидело в нем историческую конкретику, волновавшую умы, невзирая на четверть века, прошедшие с той поры. Уже в следующем, четвертом номере «Современника», в начале рокового для Пушкина 1837 г., он сокрушенно писал: «Не могу не огорчиться, когда в смиренной хвале моей вождю, забытому Жуковским, соотечественники мои могли заподозрить низкую и преступную сатиру».

Однако недовольство части общества было не лишено оснований. Барклай, как он представлялся поэту, импонировал ему более, чем Кутузов. Об этом свидетельствует беловой автограф «Полководца», предшествовавший публикации. В нем наличествовала строфа, не внесенная Пушкиным в печатный текст произведения:

Преемник твой стяжал успех, сокрытый
В главе твоей.

Автограф, обнаруженный лишь в 1969 г., был вписан рукой поэта в альбом вел. кн. Елены Павловны, но можно предположить, что в обществе были о нем наслышаны. Итак, Пушкин не просто поделился с публикой «несколькими грустными размышлениями» о Барклае, который в своем одиночестве и непонятности был ближе внутреннему состоянию поэта, чем «умерший от счастья, захлебнувшийся славой

Кутузов»ⁱⁱⁱ. Это явствует из последнего афористического шестистишия «Полководца». Кутузов же психологически был менее приемлем и более чужд поэту, невзирая на стихотворение «Перед гробницею святой» (1831). В нем больше официального признания, нежели сердечного сочувствия и сопереживания, выразившегося в строках, посвященных Барклаю. Дистанцию, отделяющую его от Кутузова, Пушкин определил сам: «Слава Кутузова не имеет нужды в похвале чьей бы то ни было, а мнение стихотворца не может ни возвысить, ни унижить того, кто низложил Наполеона»^{iv}

Действительно, «маститый страж страны державной» в 1812г. откровенно восторжествовал над всеми превратностями судьбы, к которым следует причислить и нелюбовь императора, отдававшего предпочтение Барклаю. Их обоих подавляла масштабность самобытной личности Кутузова, последнего «екатерининского орла», воплощавшего в себе дух эпохи, всегда критически воспринимаемый Пушкиным. Достаточно вспомнить его статью «О русской истории XVIII века», где, кстати, есть пассаж, имеющий прямое отношение к Кутузову. «Мы видели, каким образом Екатерина унизила дух дворянства, — писал Пушкин. — В этом деле ревностно помогали ей любимцы. Стоит напомнить о пощечинах, щедро ими раздаваемых нашим князьям и боярам, о славной расписке Потемкина..., об обезьяне графа Зубова, о кофейнике князя Кутузова и проч., и проч.»^v (Михаил Илларионович, которого Екатерина II называла своим «собственным генералом», по утрам готовил кофе для ее последнего фаворита П. А. Зубова, уверяя, что никто не справится с этим лучше, чем он, овладевший этим искусством в Турции).

В восприятии Кутузова проявилась общность мнений Пушкина и Александра I, показывающая, что «поэт и царь» принадлежали уже к другому поколению людей, живущих идеалами другой эпохи. Это видно и из отношения Пушкина и его друга П. А. Вяземского к одному и тому же историческому анекдоту из жизни М. И. Кутузова. Вяземский изложил его так: «Смоленский входит победителем в Вильно: поляки бросаются к нему, целуют его колени. *Levez - vous, Messieurs,* — говорит он им, — *n'oubliez donc pas, que vous etes de nouveau des Russes* (Встаньте, господа, — говорит он им, — не забудьте же, что вы вновь стали Русскими. — фр.) Какое богатое слово! Колкая обида, благородная гордость и намек о том, что снова пришла пора русского владычества: все тут есть!»^{vi}

В письме дочери Кутузова Е.М. Хитрово от 9 октября 1830г. поэт вопрошал с негодованием: «Знаете ли вы убийственные слова фельдмаршала, Вашего отца? При его вступлении в Вильно поляки пришли и бросились к его ногам. "Встаньте, — сказал он им, — помните, что вы русские"»^{vii}.

Вяземский старше Пушкина всего на 7 лет. Но какая разница во взглядах! То, что восхищает одного, убийственно для другого. Но если Пушкин и попытался противопоставить Барклаю Кутузова, то делал он это именно с точки зрения характеров, что оказалось недостаточным для художественного произведения с историческим подтекстом. Поэт ощутил, что он невольно всколыхнул страсти, дремавшие в тех, кто был очевидцем и участником всех событий. Отдавая должное Барклаю, многие, тем не менее, отказывались признать Кутузова его преемником, что, казалось, было бы логично. Однако сама эта мысль, высказанная Пушкиным, была встречена с возмущением. В то же время неожиданный подтекст в стихотворении увидел литературный оппонент Пушкина Ф. В. Булгарин, вообразивший, что похвалы Пушкина относятся к Александру I^{viii}.

Забегая вперед, отметим, что, на наш взгляд, Пушкин воспринял слишком однозначно самый сложный период в биографии Барклая и увлекся идеализацией образа своего героя, но все же не зашел по этому пути так далеко, как современные историки. 13 ноября 1836г. в письме Н.И.Гречу поэт оговаривался: «Не знаю, можно ли его вполне оправдать с точки зрения военного искусства»^{ix} В своем объяснении, которое следует считать прозаическим дополнением к стихам, он высказался еще более определенно: «И мог ли Барклай де Толли совершить им начатое поприще? Нет!»

Тема преемственности Барклая и Кутузова, обусловленная возможностью взглянуть реально и беспристрастно на Барклая как на военачальника, так и на человека, продолжает, невзирая ни на что, оставаться дискуссионной ввиду того, что исследователи избегают широкого сопоставления источников, способных пролить свет на легенду, где тесно сплелись правда и вымысел, замешанные на человеческих страстях и репутациях. В первую очередь это относится к краеугольному камню легенды — «скифскому» плану.

Можно смело утверждать, что Пушкин не писал бы своего «Полководца», если бы сомневался в наличии у Барклая «замысла, продуманного глубоко». По мысли Пушкина, этот план предусматривал при необходимости сдачу Смоленска, Москвы и далее, до полного изнеможения неприятеля. Этой же крайности в суждениях придерживается и профессор А. Г. Тартаковский в своей работе «Неразгаданный Барклай» (М., 1996), показательной как по глубине источниковедческого исследования всего, что касается «Оправдательных писем» военачальника, так и по пристрастному толкованию других документов. Все отрицательные отзывы о Барклае исследователь приписывает зависти, злобе, интригам, конъюнктурным проискам его недругов. «В основе отступления, — убежден Тартаковский, — лежал выношенный им (Барклаем. — Л. И.) еще за несколько лет до того «скифский» замысел заманивания неприятеля в глубь России ради достижения решающего перевеса над его силами»^{xi}. При этом историк ссылается на откровения Барклая, имевшие будто бы место в беседе с профессором Нибуrom в 1807 г., известные нам лишь в пересказе генерала М. Дюма, составленном задним числом. Однако в не менее известной «Записке Военного Министра Барклая де Толли, представленной Императору Александру I, о защите западных пределов России», утвержденной в марте 1810г., часто приводимой историками в качестве наличия подобных намерений у полководца, ничто не намекает на подобную крайность. Военный Министр действительно предлагает «оставить неприятелю, удаляющемуся от своих магазинов, все места опустошенными, без хлеба, скота и средств к доставлению перевозкою жизненных припасов». Он же резюмирует: «Одни решительные меры отвращать могут великие несчастья». Однако речь здесь идет отнюдь не о российских просторах. Армия, по словам Барклая, «должна встретить неприятеля на самых границах, сопротивляться многочисленному его ополчению в польских провинциях до тех пор, пока совершенно истощатся все пособия», а затем отступить «в настоящую оборонительную линию»^{xii}. Далее Барклай сообщает весьма определенно: «Двина и Днепр составлять будут навсегда вторую оборонительную линию»^{xiii}.

Нельзя не согласиться с В. П. Тотфалушиным, автором, на наш взгляд, самой основательной на сегодняшний день работы по этому вопросу «М.Б.Барклай де Толли в 1812 году» (Саратов, 1991. С. 24), заметившим по поводу плана: «И хотя Барклай несколько раз менял его конкретику, основные принципы оставались неизменными — стратегическая оборона на подготовленных рубежах, отнесенных в глубь страны, но не слишком далеко» Пожалуй, большего из «Записки 1810 года» вычитать нельзя.

Очевидно, что не о ней Барклай упоминает Государю в письме от 9 ноября 1812г., когда пишет: «Спасая Отечество от предстоящей ему грозы, положить вместе с тем конец бедствиям, в продолжение двадцати лет угнетающим лучшую часть света, предположено было с общего совещания открыть кампанию отступлением к древнейшим нашим границам и, завлекши неприятеля в недра самого Отечества нанести ему удар решительный»^{xiv} Александр I в начале своего письма от 24 ноября 1812г., как кажется, вторит Барклаю: «План кампании, который мы приняли, был, я думаю, единственный, который мог удалиться против такого противника, каков Наполеон, и был подсказан опытностью, но он неизбежно должен был возбудить неодобрения и порицания в народе, который мало понимал военное искусство»^{xv}. У цитируемых документов есть существенный недостаток: они появились в то время,

когда русские армии, предводительствуемые Кутузовым, уже одерживали победы, что и дало возможность Александру I и его генералу выдавать желаемое за действительное и перейти от разговоров о спасении Отечества к великодушным замыслам спасения Европы. В их переписке незаметно происходит подмена понятий: ведь изначально русские отступали «не для того, чтобы уничтожить армию противника, а чтобы сохранить свою»^{xvi}. Нам кажется, что Л. Н. Толстой был прав, утверждая, что «все эти намеки на предвидение того, что случилось, выставляются теперь только потому, что события оправдали их»^{xvii}

При дальнейшем чтении писем мы сами можем в этом убедиться: Александр I и Барклай по-разному определяют конечный рубеж обороны, исходя не из наличного плана, а из последующих событий. Император не скрывает раздражения по поводу неудавшейся затеи с Дрисским лагерем, корит Барклая за неудачу под Смоленском. Барклай, напротив, пишет: «Напоследок обе армии соединились в Смоленске и здесь начались уже настоящие действия по принятому плану»^{xviii}. Возникает вопрос, по какому плану, кем и когда принятому? Думается, что в этом случае Барклай сознательно избегает уточнения. Вообще обращает на себя внимание отсутствие в документах местоимения «я», все планы и замыслы Барклая как бы безличны. Чего стоит, например, одна фраза: «Обе армии, по принятому плану, нашли полезнейшим завлечь неприятеля далее от провинций»^{xix}. Что бы ни писал Александр I Барклаю в ноябре 1812г., его Рескрипт от 30 июля говорит сам за себя: «Я не могу умолчать, что хотя по многим причинам и обстоятельствам при начатии военных действий нужно было оставить пределы нашей земли, однако же не иначе, как с прискорбием должен был видеть, что сии отступательные действия продолжались до самого Смоленска»^{xx}. Здесь нет и намека на «скифскую» войну. Да и сам Барклай, судя по письму от 9 ноября 1812г., не был ее сторонником: «В Вязме и у Царева-Займища положен был предел нашему отступлению»^{xxi}. Отстраненный от права распоряжаться армиями, Барклай стал оптимистом: с его слов выходило так, что только приезд Кутузова помешал ему стать победителем. Заметим, что подобное утверждение выглядит несколько легкомысленно в устах такого серьезного человека, как Барклай, на что Александр I не преминул съязвить: «Так как в Ваши планы входило дать неприятелю рано или поздно генеральное сражение, то не все ли было равно дать его у Смоленска или у Царева-Займища?»^{xxii}

Подобное разномыслие позволяет сделать вывод, что ни о каком общем плане кампании не могло быть и речи. Историками высказывалось мнение, что Александр I, побоявшись нареканий, предал Барклая с его планом, взвалив на него всю тяжесть ответственности за его выполнение. Но события начального периода войны показывают, что тогда единомыслия было еще меньше. Это явно отражалось на ходе боевых действий, где менее всего улавливается воля Барклая в исполнении «продуманного» им плана. И здесь мы не имеем права пренебрегать свидетельствами людей, принадлежавших к высшему командному составу. Конечно, существует опасность считать их всех «недругами» и «завистниками», недовольными стремительным возвышением Барклая. Но нельзя отрицать, что лица, стоявшие на самой высокой ступени военной иерархии, являлись самыми осведомленными и компетентными по части планирования и ведения военных действий. Апология Барклая, содержащаяся главным образом в мемуарной литературе, вышедшей из-под пера тех, кто в 1812г. чином был не выше поручика, адъютантов Барклая, при рассмотрении данного вопроса выглядит малоубедительной. Куда весомее звучит свидетельство генерала от кавалерии Л. Л. Беннигсена: «Я не видел плана кампании и не знаю ни одного человека, который бы его видел». Или свидетельство генерала от артиллерии А. П. Ермолова: «Мнения насчет образа войны были различны Военный министр предпочитал войну наступательную»^{xxiii}. Мы не можем также пренебрегать мнением генерала К. Клаузевица: «Генералы Барклай, Беннигсен и Армфельдт не могли освоиться с этим (отступательным. — Л. И.) планом кампании и стремились

подорвать доверие императора к нему Завязалась своего рода интрига, направленная на то, чтобы убедить императора принять сражение под Вильно»^{xxiv}.

Мы берем на себя смелость утверждать, что первым высказал мысль об отступлении, избегая столкновения с неприятелем, все же не Барклай, а император Александр I по прибытии в Вильно на происходивших там совещаниях. К тому времени он последовательно лишился надежд на военную поддержку со стороны Польши, Австрии и Пруссии. Помимо этого он был вдохновлен идеей о Дрисском лагере, и ничего более конкретного в его планах не было. Здесь представляется уместным разрешить вопрос о главнокомандующем армиями. Им, несмотря на оговорки, был Государь Александр Павлович согласно Учреждению о большой действующей армии. Стремясь воплотить идеи генерала Фуля, он фактически отстранил Барклая от общего руководства войсками. Как военный министр Барклай передавал распоряжения императора другим главнокомандующим или отдавал приказы в духе этих распоряжений, ставя об этом в известность Александра I. Случаи, когда он стремился проявить самостоятельность, ограничивались управлением 1-й Западной армией. Барклай по-прежнему был уверен, что военные действия начнутся в польских провинциях, так как никаких изменений в развертывание армий внесено не было. А. П. Ермолов писал: «В настоящее время (1812) казалось все приурочено со стороны нашей к войне наступательной: войска приближены к границам, магазины огромные заложены в Белостокской области, Гродненской и Виленской губерниях, почти на крайней черте наших пределов»^{xxv}. На опасность и несообразность подобного расположения оборонительным действиям указывал в Донесении Александру I князь П. И. Багратион: «Настоящее расположение армий довольно растянуто, чтобы при намерении неприятеля всеми силами нанести удар одной из них, можно было во время воспользоваться подкреплением от другой»^{xxvi}. Создавалась угроза, что при переходе неприятелем границы русские армии сразу же будут отрезаны друг от друга, что и оправдалось. Этот же промах русского командования констатировал Наполеон в беседе с Балашовым уже 16 июня 1812г.: «Сколько магазинов вы уже сожгли, и для чего? Или их вовсе не нужно было устраивать, или воспользоваться ими согласно с их назначением»^{xxvii}. Причину происшедшему, думается, исчерпывающе объяснил Клаузевиц: «Верховное командование над всеми силами намеревался взять на себя император. Он никогда не служил в действующей армии, а также не имел командного стажа»^{xxviii}. Недоумение вызывает поведение Барклая, не уловившего разницы в том, что собирался делать он сам в случае перехода границы неприятелем с намерениями императора. Это первое, что можно серьезно поставить ему в укоризну. По-видимому, все эти обстоятельства не очень волновали Барклая, потому что присутствие в армии Государя снимало с него всякую ответственность. В связи с этим отметим, что А. Г. Тартаковским была проведена интересная, но на наш взгляд бесполезная, работа по выяснению, с какого числа Барклай стал подвергаться нападкам. И не проводя этой работы можно сказать точно: с того дня, как армию покинул император, и он оказался предоставлен самому себе. Именно с этого дня у нас есть основания говорить о его самостоятельных действиях. Не было никакого повода войскам роптать на Барклая в начале войны. Тем более нет оснований для заключения, сделанного В. Н. Балязиным: «Какую внутреннюю борьбу должен был пережить Барклай прежде, нежели решиться на шаг, который должен был встретить осуждение всей России и произвести огромное впечатление в Европе. Один только император поддержал Барклая в этом решении»^{xxix}. Мы берем на себя смелость утверждать, что Барклай в этом случае был совершенно ни при чем. Решение принял император, и он же, пусть неумело, сделал первый шаг, выполняя план, который скорее можно назвать намерением, выразившимся в желании реализовать идею Дрисского лагеря.

Документы свидетельствуют, что в тот период Барклай не помышлял о спасении «лучшей части света», а преследовал более насущную и приземленную цель — соединение армий. Об этом Барклай писал в Рапорте Кутузову от 14 августа 1812г.

Однако и в решении этого вопроса он проявлял крайнюю непоследовательность, едва не стоившую гибели 2-й Западной армии. Обстоятельств, связанных с отступлением армии Багратиона, вполне достаточно, чтобы развеять миф о «скифском плане». Если бы перед войной были учтены высказанные князем Багратионом опасения, нашим войскам не пришлось бы достигать соединения ценой огромных усилий. Если бы после перехода неприятеля через Неман он получил приказ немедленно отступать в конкретно указанном направлении, то в этом случае можно было задуматься о наличии выношенного плана. Напротив, генерал Багратион, как верно подметили военные историки конца XIX — начала XX в. Окунев, Скугаревский, Омельянович, Иностранцев, был полностью дезориентирован, и только благодаря своим выдающимся военным способностям, гражданскому мужеству и, наконец, здравому смыслу, он спас свою армию, преступно брошенную на произвол судьбы. Историки отказываются признавать этот факт. Если бы Багратион не совершил этого подвига, ни у Александра I, ни у Барклая не было бы оснований вспоминать о «скифском» плане, утешаясь своей прозорливостью. Не случайно фельдмаршал И. Ф. Паскевич, командовавший в 1812г. дивизией, с благоговением вспоминал о своем бывшем начальнике: «Кн. Багратион только необыкновенными переходами, возможными с одними русскими войсками, спас армию и даже не был расстроен. Но на подобные необыкновенные случаи не должно рассчитывать, ни принимать их за правило. Итак, кн. Багратион судил и видел вещи, как истинно военный человек»^{xxx}. Справедливости ради следует заметить, что государь и Барклай в данном случае действовали как дилетанты. «Успех прикрыв все наши ошибки и столько искупительных подвигов, столько самопожертвования, столько жертв было нами учинено, что ошибки простит нам потомство», — откровенно писал А. И. Михайловский-Данилевский^{xxxi}.

В то время как Барклай согласно распоряжениям Александра I поспешно отходил к Дрисскому лагерю, кн. Багратион получил приказ, по его образному выражению, «бить фланг и тыл неприятельский какой-то». Историки часто обращают внимание на недальновидное предложение Багратиона нанести удар через Гродно в направлении Варшавы. Но то, что ему предписывалось совершить в начале войны, вряд ли было в той ситуации разумно. Обратимся к его Отношению к Барклаю от 13 июня 1812г. «Я останусь в большой опасности, что б быстрым стремлением неприятеля на Вильно не только быть отрезанным совершенно от 1-й армии, но даже от предначертанной мне линии отступления», — указывал Багратион^{xxxii}. То есть 1-я армия, поспешно отступив из окрестностей Вильно (что часто ставят в похвалу Барклаю), оставила своих собратьев по оружию в рискованной ситуации. Неприятель, занявший город, оказался ближе к Минску, чем армия Багратиона, которому предписывались наступательные действия в этом направлении. Как мы помним, Багратион был поставлен в еще более критическое положение предписанным ему фланговым движением на Вилейку. Более того, в приказах императора от 16 и 18 июня содержалась ошибка: вместо слова «сближение» Государь дважды употребил слово «соединение». Как заметил в своей статье Омельянович: «Багратион до Несвижа уклонялся от боя, благодаря ошибочному пониманию полученного повеления. Эта ошибка спасла армию от неизбежного поражения в начале войны, 2-ю армию — непосредственно, заставив кн. Багратиона уклоняться от боя, а 1-ю потому, что отступление одной армии вызвало отступление другой»^{xxxiii}. Даже когда Багратиону разъяснили ошибку, за которую никто не захотел взять ответственность, взвалив всю вину на него, он обратил внимание на несоответствие двух задач, поставленных в приказе: сохранять армию и пробиваться на соединение. Он самостоятельно выбрал для себя разрешение первой задачи. Он не был слепым «противником ретирад», как его называли и называют многие.

На отчаянное положение армии Багратиона указывает письмо начальника его штаба ген. лейтенанта Э.Ф. де Сен - При к брату от 3 июля 1812 г.: «Я не говорю об оставлении страны без единого выстрела, о всех уничтоженных запасах — все это

неизбежное следствие первоначальных передвижений. Те, кто посоветовал подобные действия, виноваты в этом перед потомством. Но во всем этом наиболее достоин сожаления Император, положение которого ужасно...Ты можешь показать мое письмо Толстому и сказать ему, что если он потрудится изучить неприятельские силы, нас окружающие, то сможет судить, нам ли делать диверсии в помощь Первой армии с 40 тысячами человек против 120» (1812-1814. М., 1992. С. 185-186). Справедливости ради заметим, что недовольство Барклаем, выплескивавшееся в письмах Багратиона того периода, можно и нужно объяснять не только непрерывным отступлением, но и отношением ко «Второму Главнокомандующему» и, следовательно, к его армии. «Со мною поступают так неоткровенно, и так неприятно, что описать всего невозможно», — писал П. И. Багратион в письме А. А. Аракчееву от 29 июля 1812 г.^{xxxiv} Действительно, сначала ему было отказано в сообщении общего плана военных действий, а затем он стал получать путаные распоряжения, чреватые огромной опасностью в той ситуации, в которой находилась 2-я Западная армия с первых дней войны.

Удивительно, что Александр I, как тогда, так и впоследствии в переписке с Барклаем, объяснял отступление не желанием сохранить армию и ослабить численно превосходящего неприятеля, а «грубейшими ошибками кн. Багратиона», отказавшегося от наступательных действий. И Барклай в этом случае уже не претендует на авторство «скифского» плана, также укоряя в своем отступлении от Дриссы покойного главнокомандующего 2-й Западной армии, как явствует из его уже упомянутого Рапорта Кутузову. Впоследствии в «Изображении военных действий» он также утверждал: «Одне только неблагоприятствующие обстоятельства, не от первой армии зависящие, принудили ее к отступлению». Под «обстоятельствами» Барклай подразумевает вовсе не «сильного числом неприятеля», а именно действия кн. Багратиона.

В письме графу Ф. В. Ростопчину от 10 августа 1812г. возникает еще одна веская причина, препятствовавшая Барклаю перейти к решительным действиям: недеятельность главнокомандующего 3-й Резервной армии генерала от кавалерии графа А. П. Тормасова. Кстати, в том же документе содержится свидетельство того, что Барклай как накануне, так и в ходе военных действий стремился реализовать замысел, содержащийся в его «Записке 1810 года», предусматривавшей маневры силами не двух, а трех армий именно на ограниченной территории, указанной в этом документе. Вот что писал Барклай о своих тогдашних намерениях: «Я прежде сего полагал продолжать войну до окончательного составления внутренних ополчений и потому надобно было вести войну общими движениями не на одном пространстве, где находятся 1-я и 2-я армии, но на всем театре войны. Следовательно, 3-й надлежало бы исполнить деятельную часть операции, по примеру неприятеля. Находясь в безызвестности о 3-й армии и не имея довольного числа войск, чтобы одними движениями прикрывать все пункты, мы находимся в необходимости возлагать надежду нашу на генеральное сражение. Все причины доселе воспретившие давать оно, ныне уничтожаются. Неприятель слишком близок к сердцу России»^{xxxv} Кстати, Барклай де Толли был в числе немногих лиц, кто безоговорочно признавал победу русских войск при Бородине, несмотря на то, что в ходе сражения он полагал русские армии расстроенными и неспособными далее удерживать оборону. Он полагал, что отступление М. И. Кутузова с Бородинского поля не было вызвано необходимостью. И уже в этом просматривается противоречивость суждений Барклая.

Кто может усмотреть в цитированных документах хотя бы намек на «замысел, продуманный глубоко», или хотя бы способность Барклая взять на себя ответственность за «скифский» план? Напротив, он конкретно называет имена виновников срыва наступательных действий — то Багратион, то Тормасов. Можно предположить, что последний именно по этой причине лишился поста главнокомандующего, сдав свою армию адмиралу П. В. Чичагову, добившемуся в

войне, кстати, не больших успехов, чем Барклай.

Вообще же настойчивое стремление любой ценой выполнить маневр силами даже не трех, но двух армий, действующих на внутренних коммуникациях противника, показывают, что представление о численности неприятеля было у Александра I и Барклая не намного точнее, чем у Багратиона, которого они постоянно упрекают в невежестве и в отсутствии «положительных сведений» о численности неприятеля. Если верно предположение историков, что план военных действий держался в глубочайшей тайне и его не хотели сообщать даже главнокомандующим, то о превосходстве неприятельских сил все же стоило, на наш взгляд, поставить их в известность. Этот маневр двумя армиями терял всякий смысл при значительном численном превосходстве неприятеля. Даже Клаузевиц, недолголюбивавший Багратиона, признавал, что он, отказавшись выполнять маневр, «выбрал такой путь отступления, который дал ему возможность впоследствии соединиться с 1-й Западной армией. Таким путем была избегнута главнейшая катастрофа, которую мог вызвать план Фуля»^{xxxvi}

Барклай же 28 июня по прибытии в Дрисский лагерь составил диспозицию наступательных действий и отдал приказ о предстоящем генеральном сражении. Мнение историков, что он лукавил, желая сохранить высокий боевой дух войск, на наш взгляд, не выдерживает критики, так как в той обстановке отдавать приказ, который заведомо не мог быть выполнен означало подрывать дух войска вдвойне. И так, необходимость соединения, ошибки кн. Багратиона, пассивность Тормасова — вот причины, предопределившие отступление, которые называет Барклай в переписке начального периода войны. Кстати, объясняя Кутузову причину отступления под Витебском, он опять же упоминает кн. Багратиона: «Трехсуточное сражение под Витебском, конечно, уже известно Вашей Светлости: оно окончилось бы генеральным сражением, когда в самое то время не получил бы я известие от кн. Багратиона о неудачном предприятии на Могилев»^{xxxvii} Заметим, что предположение В. В. Пугачева о том, что Барклай в этом письме скрывал от Кутузова свой «скифский» план из-за психологической подавленности, на наш взгляд, следует признать неосновательным, если не смехотворным. В «оправдательных письмах», очевидно, у Барклая происходила «абберация сознания», присущая всем мемуаристам, как верно подметил А. Г. Тартаковский. Нам представляется справедливым вывод А. Л. Монахова, сделанный в содержательной статье «Барклай де Толли, Александр I и "скифский" план»: «В "Оправданиях" полководец предельно рационализировал свои действия, отчасти "подогнав" их толкование под уже свершившиеся события»^{xxxviii}.

Парадоксально, но следует признать, что численным превосходством неприятеля Барклай далеко не сразу стал оправдывать свои действия. О том, что Барклай не располагал этими сведениями, явствует как из воспоминаний Клаузевица, так и со всей очевидностью предстает из письма А. П. Ермолова, написанного кн. Багратиону сразу же после оставления Смоленска. В нем Ермолов начинает защищать Барклая перед негодующим по поводу отступления Багратионом, ссылаясь на внезапные сведения о противнике. Кстати, П. Х. Граббе, разделявший идею «скифского» плана, вспоминает об изумлении Александра I при известии о занятии корпусом Даву Минска: «Быть этого не может. Даву здесь, против меня»^{xxxix}. В первый же день войны кн. Багратион получил уведомление о том, что неприятель сосредоточил свои войска «между Ковною и Меричем». Постоянные опасения за правый фланг 1-й Западной армии, ожидания обходного движения противника с севера, боязнь быть отрезанным от петербургского направления показывают, что значение московского направления в планах Наполеона вообще долгое время должным образом не учитывалось. Следовательно, не предполагалось там и значительных сил неприятеля. Это подтверждает Барклай в Рапорте Кутузову: «Непредвидимое движение 1-й армии по стороне к Витебску и Смоленску подало ей совсем различное направление и переменило все сношения с запасами, а без продовольствия действовать невозможно»^{xl}.

В биографиях Барклая последних десятилетий историки почему-то избегают давать откровенную беспристрастную оценку его действиям под Смоленском, где он, по словам Александра I, «как нарочно делал одну глупость за другой», в результате чего едва не уничтожил плоды соединения армий, достигнутого, по его же словам, «с большим искусством», а на наш взгляд, с большим трудом, о чем он избегает говорить в «Оправданиях...». Думается, что отстранение его от руководства войсками после этого было уже осознано даже Александром I как давно назревшая необходимость. На наш взгляд, прав был современник, представивший ситуацию в следующих словах: «Когда дело идет о спасении государства, тут уже не до испробования дарований генералов. Барклаю немислимо быть главнокомандующим и распоряжаться судьбою войск, которым он не вселяет доверия и любви которых, как равно и генералов, он не сумел заслужить своим тяжелым характером»^{xi} Бесплезно загадывать, чего бы достиг Барклай, осуществляя функции главнокомандующего. Совершенно очевидно, что он был непригоден к этой роли как по военным дарованиям, так и по другому качеству, на которое обратил внимание академик Е. В. Тарле: «Барклай, конечно, не был никогда "изменником", как говорили тогда некоторые его враги, — но что поделаешь! Ничего даже отдаленно похожего на то чувство, которое, что называется, горами двигает, Барклай к себе никогда возбудить не мог»^{xiii}.

Справедливо сделать вывод, что «скифского» плана как такового не было. «Император думал, что неприятельские силы разобьются о позиции на Двине», — писал Скугаревский^{xliii}. Барклай судя по всему во всем полагался на Александра I. Но после отъезда Государя, когда он оказался предоставлен самому себе, «им более руководил естественный страх перед бесповоротным решением и тяжкая ответственность, чем ясные убеждения»^{xliv}. Это мнение Клаузевица нам представляется основательным. Не следует забывать, что Барклай был уверен, что Александр I скоро вернется к армии. Сам император полагал, что так оно и будет. Это подтверждает его письмо к великой княгине Екатерине Павловне^{lv}. Назначение М. И. Кутузова, состоявшееся против воли Государя, явилось полной неожиданностью для обоих, что опять же явствует из того же письма. Еще неизвестно, кто из них двоих был больше оскорблен и обескуражен, кому больнее было признаваться в полном крахе своих замыслов. Не случайно Александр Г, по свидетельству современников, не любил вспоминать о событиях Отечественной войны 1812г.

Не стоит сокрушаться по поводу отсутствия «скифского» плана. Можно даже порадоваться, что это только легенда, созданная после войны, так же, как и эти строки, дописанные Ф. Н. Глинкой в «Письмах русского офицера» много лет спустя не без влияния пушкинского «Полководца»: «Пылают ли окрестности, достаются ль села, города и округа в руки неприятеля, его ничто не возмущает, ничто не сильно поколебать твердости духа его. Часто бываю волнуем невольными сомнениями: куда идут войска? Для чего уступают области? И чем, наконец, все это решится? Но лишь только взглядываю на лицо сего вождя сил российских, и вижу его спокойным, светлым, безмятежным, то в ту же минуту стыжусь сам своих сомнений. Он действует как провидение, не внемлющее простым воплям смертных»^{xlvi} Разве не делается жутко при взгляде на главнокомандующего, который с ясным лицом взирает на пылающие окрестности и слезы своих соотечественников и мнит себя при этом Провидением? Реальный Барклай был другим человеком: «На его траурном и глубоко озабоченном лице каждый солдат мог прочесть, что положение армии и государства — отчаянное»^{xlvi}.

У «скифского» плана была другая сторона, нравственная, о которой написал «Третий Главнокомандующий» А. П. Тормасов, с возмущением прочитав «Оправдание». Его слова А. Г. Тартаковский с некоторой долей иронии определяет как «гневную филиппику в адрес Барклая». На наш взгляд, чувства Тормасова и то, как он их выразил, делают ему честь. «Планы завлечь неприятеля в недра своего Отечества, — цитирует он Барклая, — есть мысль ужасная для всякого, кто его истинно любит

можно ли хладнокровно решиться пустить разбойника в свой дом, оттого, что он, убив отца, мать, жену, детей истощит свои силы» Тормасов утверждает: армия для народа, а не народ для армии, «когда народ разорен, тогда армии не могут быть полезны государству»^{xlvi}, Правда, император Александр I в разговорах с французским посланником А. де Коленкуром собирался отступить до Волги и Камчатки, но при этом следует обратить внимание, при каких обстоятельствах он готов был это сделать: «Если жребий оружия решит дело против меня»^{xlvi}, но никак не ранее. Разговоры о том, что первый выстрел должен раздаться под Смоленском велись немецкими советниками императора, сам он, к счастью, никогда об этом всерьез не думал.

Именно по этой причине Барклай де Толли в стихотворении Пушкина — иностранец: «Ты в жертву все принес земле, тебе чужой»

Читатели поправляли Пушкина, А. Г. Тартаковский в своей монографии указывает на то, что Пушкин допустил неточность. В том-то и дело, что Пушкин не ошибался. В этом смысл созданного им поэтического образа Барклая: Пушкин был уверен, что задумать и реализовать «скифский» план мог только иностранец. На наш взгляд, нельзя критиковать кн. Багратиона, «скорбевшего при виде бедствий Отечества» и А. П. Тормасова, утверждавшего: «Я не взял бы на себя войны отступательной». Для них отступление русских армий с начала и до конца было вынужденным, а не задуманным, и не являлось «некоей хитростью, обещающей нам огромную победу»^{li}. Для них отступление — это трагедия, потрясение основ государства, большая часть населения которого являлась крепостными крестьянами, и сначала было неизвестно, как они могли повести себя при вступлении неприятеля «в недра Отечества». Historики, настаивающие на наличии «скифского» плана, забывают о важном аспекте этой проблемы. Нам позволительно об этом не думать, но Александр I и Барклай вряд ли могли при планировании военных действий отрешиться от опасности социальных бедствий. Попытка представить Барклая де Толли человеком прогрессивных убеждений, не имевшим крепостных людей и в силу этого ничем не скованного в планировании военных операций вопреки протестам «придворной клики» и «патриархально-крепостнического барства», нам представляется неудачной^{lii}. Нападая в своей брошюре на Барклая, Тормасов, как ни парадоксально, защищает Барклая от самоговора. «Оправдательные письма» и есть та причина, по которой к Барклаю «были как-то холодны». Барклай, которого называли изменником, вынужденный расстаться с армией, с которой он, по его словам, «хотел жить и умереть», в период контрнаступления уже вызывал должное сочувствие у своих старых соратников. «Не один Князь Багратион, но и вся армия примирились с Барклаем де Толли в Бородине. Вряд ли осталось в центре опасное место, где он не распорядился, полк, не ободренный словами и примером его. Под ним убито и ранено пять лошадей; из адъютантов и офицеров его весьма немногие уцелели. Велико было прежде негодование против Барклая де Толли, но в Бородине общее мнение решительно склонилось на его сторону. Уже несколько недель не приветствовали его войска обычным восклицанием, но в Бородине от каждого полка гремело ему: Ура! Однако же хвала, воздаваемая его бесстрашию, не могла искоренить из души его горести упреков, каким прежде его осыпали. Глубоко чувствовал он оскорбления и искал смерти, желая пожертвованием жизни искупить примирение с укорявшею его Россиею», — писал А. И. Михайловский-Данилевский^{liii}.

Там престарелый вождь, как ратник молодой, Веселый свист
свинца слышавший впервой, Бросался ты в огонь, ища желанной
смерти. Вотще! (А. С. Пушкин)

Велика трагедия военачальника, о которой он сам искренне писал Государю: «За усердие и личную привязанность мою к своему Монарху, я получил только позор глубоко обесчещенной репутации»^{liv}. Честный воин, в силу обстоятельств лишившийся доверия своих сослуживцев и предпочитавший смерть бесчестию, это ли не сюжет для

стихотворения великого поэта? На Бородинском поле Барклай де Толли был выше переживаний по поводу придуманного авторства сомнительного плана. Сердца сослуживцев, понявших его обиды, стали оттаивать. И вот здесь-то и стали распространяться в обществе, весьма некстати для Барклая, его «Оправдательные письма».

Исчерпывающую их характеристику дал все тот же А. И. Михайловский-Данилевский: «Ничтожные слабости, мелкие сплетни оттеняются желчною насмешкою, и ругательства и поносительные слова на всех неприятельных Барклаю де Толли людей Как радостно воспользовался бы историк войны 1812-го года запиской Барклая де Толли, если бы при высоком самоотвержении человека, стоящего выше мелких расчетов оскорбленного самолюбия, беспристрастно изложил он свои ошибки, указывая на свои заслуги и отдал справедливость делам своих соперников. Можно ли верить беспристрастности Барклая де Толли при его явно односторонних описаниях, если при том в его записке не видим ни порядка в идеях, ни полноты в изложении, пропущено важное, говорится о неважном, и все дополняется бранью, недостойною высокого назначения ни того, о ком писано, ни того, кто писал, ни того великого дела, к которому были они призваны»^v. В этом случае добавим от себя, что Барклай отнюдь не всегда и везде руководствовался стремлением к истине. Его «Оправдания» продиктованы даже не горечью обиды, он был ослеплен чувством зависти к чужому успеху. Историки часто слепо идут на поводу у легенды, полагая, что Барклай не мог быть пристрастным, раздраженным. Ему отнюдь не всегда была свойственна «благородная сдержанность», и поэтому нельзя принимать за истину все, вышедшее из-под его пера в октябре-декабре 1812г. Военачальник нередко лукавит и выдает желаемое за действительное; ничто не гарантировало ему верного успеха, если бы он и далее оставался у руководства армии. Его собственных заверений на этот счет явно недостаточно. На наш взгляд, к августу 1812г. он полностью изжил себя на этом посту. Дело здесь даже не в наличии плана, а в отсутствии качеств, необходимых для высокого назначения. Кутузов, — «опытный старец, также не избежавший ошибок, также подверженный слабостям человеческим»^{vi} — ничего у него не похитил; он не претендовал на авторство «скифского» плана. Подчиняясь необходимости, принимая на свои плечи груз тяжелой ответственности, «Кутузов один облечен был народной доверенностью, которую он так чудно оправдал».

Денис Давыдов полагал, что сочинения Барклая «недостойны сего знаменитого мужа». «Не знаю, с каким намерением он их писал», — сокрушался А. П. Ермолов^{vii}. Удивительно, что, в отличие от Пушкина, его бывшие соратники порицали Барклая не с точки зрения военных действий, а именно с точки зрения его характера, так восхитившего Пушкина. Нам думается, что Барклай де Толли мог написать свои «Оправдания» в период наибольших огорчений с октября по декабрь 1812г., пока находился не у дел. Вернувшись в строй, он бы уже смог превозмочь свои обиды и не стал бы этим заниматься. Именно по этой причине Александр I не давал разрешения на публикацию этих документов. Думается, что Государь был согласен с Ермоловым: «Ошибки не преступления, и в них не было нужды оправдываться, а что с честью и усердием служил он, то и самые неприятели его не сомневаются»^{viii}. И добавить к этому даже Государю было нечего.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Кока Г. Пушкин о полководцах двенадцатого года // Прометей. 1969. №7. С. 23.

ⁱⁱ Пушкин А. С. Собрание сочинений. М., 1976. Т. 6. С. 182.

ⁱⁱⁱ «К чести России» М., 1988. С. 91.

^{iv} Пушкин А. С. Указ. соч. С. 182.

^v Там же. Т. 7. С. 163.

^{vi} Вяземский П. А. Записные книжки 1813-1848. М., 1963. С. 23-24.

-
- vii *Пушкин А. С.* Указ. соч. М., 1977. Т. 9. С. 355.
- viii Северная пчела. 1837. № 7.
- ix *Пушкин А. С.* Указ. соч. М., 1978. Т. 10. С. 284.
- x Там же. Т. 6. С. 181.
- xi *Тартаковский А. Г.* Неразгаданный Барклай. М., 1996. С. 308.
- xii Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. СПб., 1900. Т. 1, ч. II. С. 4.
- xiii Там же.
- xiv Труды РВИО. Т. VI. Кн. 2. С. 3.
- xv М. И. Кутузов. Сб. документов. М., 1954. Т. IV, ч. 1. С. 474.
- xvi *Скугаревский А. П.* 1812 год от начала войны до Смоленска включительно. Казань, 1898. С. 62.
- xvii *Толстой Л. Н.* Война и мир. М., 1965. Т. 3, ч. 2. С. 104-105.
- xviii Труды РВИО. Т. VI. Кн. 2. С. 4.
- xix Там же.
- xx Там же. Т. VI. Кн. 1. С. 8.
- xxi Там же. С. 4.
- xxii М. И. Кутузов: Сб. документов. М., 1954. Т. IV, ч. 1. С. 475.
- xxiii *Ермолов А. П.* Записки. М., 1991. С. 123.
- xxiv *Клаузевиц К.* 1812 год. М., 1937. С. 39.
- xxv *Ермолов А. П.* Указ. соч. С. 124.
- xxvi Генерал Багратион: Сб. документов и материалов. М., 1945. С. 154.
- xxvii Исторический вестник. 1883. № 5. С. 430.
- xxviii *Клаузевиц К.* Указ. соч. С. 26.
- xxix *Баязин В. Н.* Фельдмаршал М. Б. Барклай де Толли. М., 1990. С. 146.
- xxx 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 80.
- xxxi РГВИА. Ф. ВУА, д. 3465, ч. IV, л. 385.
- xxxii Генерал Багратион... С. 162.
- xxxiii *Омельянович.* План Пфуля. СПб., 1898. С. 249.
- xxxiv *Дубровин Н. Ф.* 1812 год в письмах современников. СПб., 1882. С. 68.
- xxxv Там же. С. 89.
- xxxvi *Клаузевиц К.* Указ. соч. С. 50-51.
- xxxvii М. И. Кутузов... С. 86.
- xxxviii Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи // Материалы науч. конф. музея-панорамы «Бородинская битва». М., 1999. С. 104.
- xxxix России двинулись сыны. М., 1988. С. 384.
- xl М. И. Кутузов... С. 86.
- xli Русский архив. 1912. № 4. С. 492.
- xlii *Тарле Е. В.* Бородино. М., 1962. С. 8.
- xliiii *Скугаревский А. П.* Указ. соч. С. 26.
- xliv *Клаузевиц К.* Указ. соч. С. 69.
- xlv Фельдмаршал Кутузов. С. 252.
- xlvi *Глинка Ф. Н.* Письма русского офицера. М., 1985. С. 180.
- xlvii *Клаузевиц К.* Указ. соч. С. 50.
- xlviii Цит. по: *Тартаковский А. Г.* Указ. соч. С. 287.
- xliv *Коленкур А.* Мемуары. Смоленск, 1991. С. 43.
- i России двинулись сыны... С. 259.
- ii Там же. С. 127.
- iii *Тартаковский А. Г.* Указ. соч. С. 57.
- iiii *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Отечественной войны в 1812 году. СПб., 1839. Ч. II. С. 272-273.
- lv Труды РВИО. Т. VI, ч. 2. С. 13.
- lv РГВИА. Ф. ВУА, д. 3465, ч. IV, л. 393-393 об.
- lvi Там же, л. 385 об.
- lvii Сборник РИО. Т. 73. С. 290.
- lviii Там же. С. 290-291.